

В. И. Кобзарь

ИНТУИТИВИСТСКАЯ ЛОГИКА Н. О. ЛОССКОГО*

Аннотация: В статье изложены основы логической теории Н. О. Лосского. Делается вывод о том, что данная логическая теория не носит сколько-нибудь существенного инновационного характера. Основное внимание Н. О. Лосский уделил не собственно обсуждению логических формализмов, но вопросам философских оснований логики.

Ключевые слова: Логика, Н. О. Лосский, интуитивизм в логике, петербургская логическая школа.

Abstract: In the paper the fundamental conceptions of N. Lossky's logical theory are outlined. N. Lossky's logical ideas belong to intuitivistic trend of philosophy. It's argued that Lossky's logical theories demonstrates nearly no essential results. One of reasons for that is in his logical treatise Lossky mostly discusses philosophical foundations of logic rather than logical formalismes.

Keywords: Logics, N. Lossky, logical intuitivism, St-Petersburg school of logic.

Работ логического характера у Н. О. Лосского не так уж много, но его сравнительно большая публикация, буквально накануне высылки из страны, посвящена именно логике. Речь идет о «Логике» в двух частях, которая была издана в Петрограде в 1922 г. (первая часть тиражом в 3 тыс. экз., вторая часть — в 2 тыс.), общим объемом более чем 400 страниц (I часть — 187 стр., II часть — 226). Правда, в следующем же, 1923 году Н. Лосский переиздает эту работу в Берлине, несколько доработав ее. Доработка, на наш взгляд, была очень поверхностной, ибо автор так и не заметил в ней некоторых простеньких погрешностей.

Интересно, что оглавление не отражает построение книги, например, в первой части обозначены только девять глав, между тем «Гносеологическое введение в логику», предваряющее собственно первую часть «Логики», имеет целых шесть внутренних разделов. Но эти шесть разделов введения и 72 параграфа первой части в оглавлении почему-то отсутствуют.

Гносеологическое введение в логику имеет существенное значение для понимания интуитивизма, поэтому и не удивительно, что оно растянулось у Н. Лосского на 64 страницы, и даже более того, в десятой главе второй части оно как бы повторяется. Скорее всего, это своеобразный прием, призванный усилить впечатление у читателя.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 11-03-00601а.

© В. И. Кобзарь, 2012

Замеченные мною погрешности первой части таковы: номер § 35 фактически должен быть номером 25, номер параграфа 42 (стр. 107) почему-то повторяется на стр. 114, а номер параграфа 43 (стр. 110) повторяется на стр. 116; § 56 (стр. 163) фактически должен быть § 60. Помимо параграфов имеются и другие внутренние части (например, в третьей главе имеется таковых 6, а в пятой главе — 5), которых почему-то нет в оглавлении. В берлинском издании эти погрешности исправлены лишь частично, т. е. в оглавлении первой части «Логики» появились внутренние разделы гносеологического введения и последующих глав, но исправлены только номера параграфов: 25 вместо 35 и 56 вместо 60, а повтор номеров параграфов 42 и 43 так и не устранен.

Вторая часть логики в этом отношении выглядит куда как более подправленной. В ней 10 глав, каждая из глав имеет по несколько внутренних частей, при этом сохраняется не отраженная в содержании разбивка текста на параграфы (§ 73–181). Вот чисто внешние, но бросающиеся в глаза особенности «Логики» Н. Лосского.

В первой части рассматривается суждение и понятие, во второй части — доказательство и умозаключение. Такую последовательность рассмотрения логических форм автор не объясняет, но понять это можно из самого содержания работы. Поскольку доказательство есть центральная задача логики, поэтому, естественно, вначале рассматриваются как бы вспомогательные части научного знания, которые формируют синтетическую систему научного знания в целом.

Оба издания насыщены не только логическим, но и философско-гносеологическим материалом, в них много отступлений от чисто логических вопросов, много рассуждений на пограничные темы. Н. Лосский довольно часто затрагивает и даже подробно рассматривает гносеологические взгляды Юма, Канта, Фихте, Милля, Гуссерля и многих других западноевропейских мыслителей. Из отечественных же авторов он особо выделяет М. И. Каринского, но более всего пристрастен к А. И. Введенскому. А. Введенский для него и воплощение современной кантианской критической позиции в логике и философии, с которой сам Н. Лосский не всегда согласен, и оппонент в интерпретации некоторых вопросов логики.

Судя по названию, «Логика» Н. Лосского могла быть обычным учебным курсом традиционной, или классической, как ее называет Н. Лосский, логики. Но таковой она является только частично, ибо в ней достаточно обстоятельно изложено учение логики о понятии, суждении, умозаключении и доказательстве. Более же важная ее задача — показать гибкость и разносторонность интуитивистской логики, или логики идеализма, как ее чаще называет сам автор, в сравнении с классической и другими логиками. Главной своей задачей он считает, как и оговаривает в предисловии к берлинскому изданию 1923 г., «преодоление противоположности и р а ц и о н а л и з м а и р а ц и о н а л и з м а , а п о с т е р и о р и з м а и а п р и о р и з м а , противоположности о п ы т а и м ы ш л е н и я». «Логика» его основывается на гносеологии интуитивизма, суть которой не так-то просто осознать. Для ее понимания надо иметь в виду, что это философское учение утверждает существование идеального, сверхвременного и сверхпространственного бытия. Существование этого бытия Н. Лосский берет в качестве основы своего учения, и это учение носит название «реализм». Но поскольку термин «реализм» нагружен еще и тем содержанием, что этим термином обозначает-

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

ся пространственно-временное, реальное бытие, то правильное, считает Н. Лосский, философский реализм назвать идеал-реалистическим учением, т.е. учением о том, что реальное бытие существует не иначе, как на основе идеального бытия (Ч. I, с. 97). Согласно этому учению, такие идеальные начала, как Абсолютное, Объективный Дух, Мировая Душа, Я, например Сократа, Канта и других, будучи сверхвременными и сверхпространственными, могут находиться во множестве различных событий. Отвлеченная идея треугольника, также сверхвременная и сверхпространственная, тоже может участвовать в бесчисленном множестве своих воплощений (Ч. I, с. 99). При этом созерцать идею в чистом виде мы не способны, мы в состоянии созерцать ее только как погруженную в сферу реального бытия (Ч. I, с. 115).

Все предметы, как реальные, так и идеальные, согласно интуитивизму, даны человеку в непосредственном созерцании, т.е. в опыте. Поскольку же все реальное пропитано идеальными моментами, то при вступлении предметов в кругозор сознания субъекта образуется логическая сторона суждения и умозаключения. Поэтому, по Н. Лосскому, данные чувственного восприятия обоснованы не только эмпирически, но и логически, и посему опыт и мышление не противоположны друг другу. Это сближение формы и материи освобождает, по его мнению, логику от крайнего формализма.

Влияние кантовской гносеологии, как считает Н. Лосский, с одной стороны, углубило логику, но, с другой, породило множество разнородных теорий и внесло в логику борьбу и раздоры (Ч. I, с. 3). И хотя Кант высказал мнение, что логика вполне замкнутая и законченная система, он же и способствовал ее разнородности и нестабильности.

В связи с многочисленностью направлений в логике, возникает вопрос: как же ее излагать? По мнению Н. Лосского, излагать логику надо отчетливо выдвигая только одно из направлений в ней и, не затушевывая разногласий, сопоставлять его с другими, облегчая тем самым читателю, уже знакомому с элементарным курсом логики, выбор между ними. Чтобы еще более не запутывать читателя, Н. Лосский свою логику решает сопоставлять главным образом с классической логикой и еще с двумя направлениями в логике, а именно с логикой, опирающейся на гносеологию индивидуалистического эмпиризма, и с логикой, основанной на критицизме Канта. Образцом эмпиризма он представляет «Систему логики» Д. С. Милля, образцом критицизма — работу А. И. Введенского «Логика как часть теории познания» (Ч. I, с. 6).

Однако приходится сейчас признать, что, несмотря на желание Н. Лосского не загромождать свою систему полемикой с многочисленными направлениями в логике (Ч. I, с. 54), ему это явно не удалось. Частые отступления не столько способствуют, сколько мешают воспринять его систему в чистом виде. Многостраничные рассуждения о понятиях, суждениях и умозаключениях, в которых автор излагает классический взгляд логики на эти формы мысли и свой собственный, стремясь показать несостоятельность учения традиционной логики по многим вопросам и преимуществам его логики, так и остались во многом не прояснены. В частности, мне до сих пор неясно, почему нет множественности причин того или иного следствия. Эта множественность — особая тема для Н. Лосского, он уделяет ей значительно больше внимания, чем другим темам. Проистекает эта множественность, по его мнению,

из философского учения о прогрессивном направлении связи от причины к следствию (Ч. I, с. 182) и соответственно о регрессивности направления от следствия к причине. Прогрессивное направление однозначно, а вот регрессивное, по философскому учению, многозначно. Сам Н. Лосский считает, что множественность причин не только не доказана (Ч. I, с. 184), но что ее вообще нет. Н. Лосский подчеркивает, что первая часть условного суждения не является основанием в чистом виде. Это основание, по его мнению, состоит из **предмета**, в котором, помимо основания, содержится множество свойств, безразличных для следствия. Поэтому вывод от следствия к основанию на самом деле есть вывод от следствия к предмету. А эта связь может быть и многозначной, потому что предмет содержит в себе помимо основания еще и множество других свойств. Если же принять в расчет все конкретные обстоятельства того или иного действия, подчеркивает он, то все другие причины, кроме одной, отпадают сами собой, т. е. «если взять действие во всей его конкретности, то нельзя будет отрицать, что причиной его может быть только один определенный, абсолютно индивидуальный комплекс событий» (Ч. I, с. 185). А раз так, то и в логике связь основания и следствия в суждении и умозаключении однозначна в обоих направлениях: не только определенное основание (причина) порождает определенное следствие, но и всякое следствие может быть получено только из одного единственного основания (Ч. I, с. 187). Поэтому, с точки зрения интуитивизма, рассматриваемые классической логикой неправильные модусы условно-категорического и условно-разделительного силлогизмов являются только правильными (Ч. I, с. 187 и Ч. II, с. 75).

Следование — очень важный элемент учения Н. Лосского. В логике индивидуалистического эмпиризма он не находит ни аналитической, ни синтетической необходимости следования. В ней, по его мнению, просто нет подлинно логических элементов, это иррационалистическая синтетическая логика. Кант, по Лосскому, не смог построить синтетическую теорию умозаключений потому, что у него только априорные принципы являются носителями синтетической необходимости. У Канта определения — аналитические суждения, а выражаемые в синтетических суждениях данные опыта лишены необходимости, т. е. только подведение частного случая под априорный принцип и есть его обоснование. Поэтому мир явлений у Канта оказывается доступен познанию человека, а вот мир вещей в себе непознаваем. Образец такого аналитического учения об умозаключениях Н. Лосский видит в книге А. И. Введенского «Логика как часть теории познания». Согласно этой логике оказывается, что внутри синтетического суждения нет никакой логической необходимости, а априорные суждения, скорее, суждения веры, но не знания. Понятно, резюмирует Н. Лосский, что на таких основах теорию логической необходимости не построить.

Сам же Н. Лосский обосновывает иной взгляд, свое особое учение, и даже аксиома силлогизма излагается им не как «признак признака вещи есть признак самой вещи», а как «основание основания есть основание следствия». Классическая аксиома силлогизма, по его мнению, оставляет невыясненной природу связи признака с вещью, а вот его формулировка принципа будто бы определяет сущность этой связи как глубоко внутреннюю зависимость (Ч. II, с. 121). Мне, признаться, эта глубина внутренней зависимости таковой не показалась.

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

Согласно интуитивизму, система логики решает многие проблемы науки только потому, что ее аксиомы суть синтетические суждения: в них предикат необходимо следует из свойств рассматриваемого бытия. Все предметы при вступлении их в кругозор сознания образуют логическую сторону суждения и умозаключения. И таким образом даже первичное знание, констатирующее данные чувственного восприятия, рассматривается Н. Лосским как обоснованное не только эмпирически, но и логически. Признаюсь, мне это тоже непонятно.

Суждения восприятия — это непосредственное созерцание подлинного бытия, и истина в интуитивизме есть наличность в знании самого предмета и его связей с другими предметами. Вот эту наличность предмета в знании, самосвидетельство его о себе, Н. Лосский и представляет верховным критерием истины в интуитивизме. Знание логически обосновано с его точки зрения потому, что в каждом суждении, умозаключении и доказательстве есть логическая связь достаточного основания со следствием, т.е. связь субъекта и предиката, посылок и вывода, аргументов и тезиса (Ч. II, с. 197).

Современный трансцендентально-логический идеализм, выросший из кантианства, считает Н. Лосский, имеет возможность, отвергая психологизм и вещь в себе, положить в основу логики понятие синтетической логической необходимости (Ч. II, с. 225–226). Это направление, по его мнению, более ценно для развития науки, ибо оно возрождает родственный интуитивизму платоновский идеализм, который, как отмечает Н. Лосский, широко распространяется в современной гносеологии и логике в разных модернизированных формах. Это и Э. Гуссерль со своими «Логическими исследованиями», и представители марбургской школы Г. Коген и П. Наторп, и представитель фрейбургской школы Г. Риккерт, а также и русские идеал-реалисты, такие как П. Флоренский с его «Столпом и утверждением истины», С. Франк с работой «Предмет знания», С. Булгаков со своим «Светом невечерним», ну и, наконец, сам Н. Лосский с работой «Мир как органическое целое» (Ч. I, с. 117). Тут так и хочется спросить у автора: да, распространяется платоновский идеализм в современной гносеологии, что дальше?

В идеал-реалистическом учении душа господствует над пространственной разрозненностью органов тела, она одновременно находится в отношении к сердцу, мозгу и глазу, несмотря на их пространственную удаленность друг от друга, потому что она совершенно непротяженна, она целиком в теле и целиком в каждой части тела. Это, казалось бы, противоречие обусловлено сверхвременным и сверхпространственным свойством духа. Поэтому, считает Н. Лосский, все ограниченное мировое бытие подчинено законам определенности (закону тождества, противоречия, исключенного третьего), но Сверхмировое Начало, Абсолютное, ну и конкретно-идеальные индивидуумы, субстанции, душа, дух, которые хотя и находятся в составе мира, но стоят выше принадлежащих ему ограниченных способностей и форм, вот они-то этим законам и не подчиняются (Ч. I, с. 94).

Если бы 20 человек, говорит Н. Лосский, в разное время и в разных местах высказали мысль, что площадь треугольника равна половине произведения его катетов, то индивидуально-психическая сторона во всех этих двадцати случаях продумывания

истины была бы различна, но объективное содержание «катет», «площадь» было бы тождественным. На этом основывается согласие между людьми. Для осуществления логических законов определенности (закона тождества, противоречия и исключенного третьего) нужно особое учение о строении мира и сознания. Нужно, чтобы познающее *Я* было сверхвременным, и только тогда оно способно будет господствовать над временем, способно будет многократно направлять на прошлое свой умственный взор. Абсолютное в таком случае, как творческий первоисточник мира, само будет находиться вне системы мира, будет сверхсистемным, т. е. оно не будет подчинено законам определенности. При этом оно будет и непротиворечиво, потому что не будет содержать в себе ничего определенного, никаких сторон бытия, никаких его звеньев.

Понятие Абсолютного имеет существенное значение для понимания интуитивизма, но мне, как читателю, те пояснения, которые есть у Н. Лосского, ничего не прояснили. Правда, Н. Лосский предупреждает, что во всех случаях, когда речь идет об Абсолютном, приходится вырабатывать новые, совершенно своеобразные категории. Так, говорит он, С. Франк для обозначения «иног», что не подчинено трем законам определенности, вводит термин «металогическое несходство» (Ч. I, с. 87). Ну и что? — снова спрашиваю я.

Предметом исследования логики, по мнению Н. Лосского, является знание. Знание осуществляется в чем-то сознании и приобретает в процессе познавательной деятельности. Тот, кто хочет отличить логику от психологии и гносеологии, должен знать состав сознания, состав знания и состав познавательной деятельности.

Психология знания, по Н. Лосскому, изучает субъективную сторону знания, т. е. такие акты знания, как *внимание, различение, припоминание* и пр., и зависимость их от воли и чувств. Внимание, различение и т. п. составляют субъективную сторону знания, предмет же и его содержание — объективную. Различение их важно потому, что многие заблуждения возникают из-за отождествления субъективной стороны знания и объективной, поэтому-то и возникает зачастую убеждение, что материя в опыте не дана и что идеального, вневременного бытия нет (Ч. I, с. 24–25).

Гносеология же, как теория истины, изучает объективную сторону знания, отношение истинного знания и предмета, общеобязательность истины и ее вечность. Гносеология в конечном счете — основа логики. А поскольку психологизм в гносеологии выводит все свойства истины из законов психологического процесса, то от него следует избавляться. Истина при этом, в понимании Н. Лосского, достигается путем обладания предметом в подлиннике, т. е. как тождество содержания истины и предмета (Ч. I, с. 7). Меня, как читателя, очень смущает это «содержание истины». Что оно означает? Истина, насколько мне известно, это отношение знания и реальности, в чем же тогда тождество «содержания истины и предмета»?

Логика, да и термин «логический», считает Н. Лосский, означает принадлежность к составу и свойствам строения объективной стороны доказательства, из чего следует, что логическое «всегда относится к области идеального, так как строение всякого предмета есть идеальное бытие». Отделяя субъективную сторону в познании, логика интуитивизма тем самым есть «теория строения объективной стороны доказательства», «она имеет резко выраженный объективистический характер», т. е.

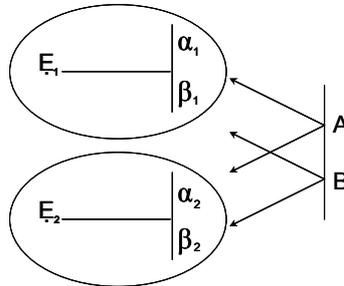
ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

в этой теории «логические (рациональные) элементы объекта суть вместе с тем онтологические элементы» (Ч. II, с. 195). Правда, отмечает Н. Лосский, не все идеальное есть логическое, а только то, что служит условием возможного доказательства вообще. Теория логики используется им для установления правильного мышления. Следуя же традиционному значению слова «логика», отмечает Н. Лосский, приходится признать, что она есть наука, «изучающая общие методы обоснования истины» (Ч. I, с. 56–57). По Н. Лосскому же, центральной задачей логики является теория доказательства, и, чтобы приступить к этой центральной задаче, необходимо рассмотреть суждения, понятия и умозаключения (Ч. I, с. 150).

Внутри сознания Н. Лосский выделяет две стороны — субъект сознания (некто сознающий) и содержание сознания (некто познаваемое), т. е. знание. Всякое знание есть знание о чем-либо, поэтому то, о чем высказывается знание, следует назвать предметом знания, или объектом. Хотя знание и находится в сознании субъекта, но занимает в нем положение между познающим субъектом и познаваемым объектом. Отношение между субъектом и объектом не является пространственным или временным отношением, это специфически духовное отношение, «обладание в подлиннике», которое Н. Лосский называет «координацией» (Ч. I, с. 8–9). Для получения более точных сведений о строении познающего сознания Н. Лосский в своем «Гносеологическом введении в логику» исследует отношения между субъектом и объектом, между знанием и субъектом, между знанием и объектом с тем, чтобы облегчить понимание интуитивизма. Тут же он приводит и доводы как против кантовского априоризма в гносеологии, так и доводы, обосновывающие преимущества интуитивизма.

Интуитивизм представлен Н. Лосским как идеал-реалистическое направление, исходящее из органического мировоззрения и утверждающее, что между познающим субъектом и познаваемыми предметами существует координация (сочетанность), благодаря которой познание имеет характер интуиции, т. е. непосредственного созерцания, когда субъективные акты знания (внимание, различение, обсуждение и т. п.) непосредственно направлены на предмет (объект) в подлиннике, и этот предмет самолично вступает в кругозор сознания познающего индивидуума (Ч. II, с. 173). Для большего прояснения этого учения Н. Лосский свою «Логичку» и начинает «Гносеологическим введением», а завершает главой X, посвященной системе логики идеал-реалистического интуитивизма.

Отношение между субъектом и объектом в философии и логике интерпретируются по-разному. Согласно эмпиризму, говорит Н. Лосский, мы познаем не сам предмет внешнего мира, а те возникающие в душе состояния, которые вызваны влиянием предмета на наше тело и душу. Этот процесс он рисует так: внутри сферы сознания того или иного субъекта находится собственно субъект сознания (E), вне сферы сознания находится объект (A, B). Он воздействует на тело и душу субъекта, и в результате появляются осознаваемые субъектом сознания ощущения (α , β), между которыми и субъектом устанавливается координация. Знание в этом случае не обладает подлинным предметом в сознании, оно — лишь копия предмета. Этот процесс иллюстрирует, например, наблюдение дерева двумя (или двадцатью) людьми:

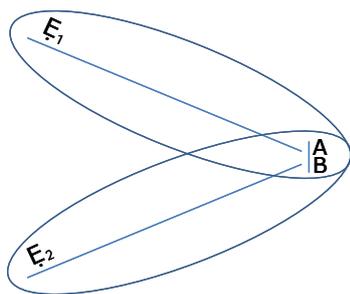
То есть, когда 20 человек созерцают дерево, то в наличии 20 человек, одно дерево и 20 психических деревьев в сознании каждого в отдельности человека. В этом случае истина о мире достигается путем обладания в сознании образами, более или менее соответствующими предметам. Но поскольку умственный предмет зависит от строения органов чувств и нервной системы воспринимающего субъекта, то ясно, что точной копии реального предмета в сознании не получить, и таким образом ни одного свойства внешнего мира познать нельзя.

Наивный реализм считает содержание чувственного восприятия самую действительностью (реальностью), и, с его точки зрения, истина достигается сознанием путем обладания предметом в подлиннике, т. е. воспринимаемое дерево не копируется в сознании, а совпадает (тождественно) с ним. Но дерево, замечает Н. Лосский, есть только предмет наблюдения субъекта, но не его душевное состояние, как например, печаль или горе, которые находятся в его сознании и как предмет наблюдения, и как переживание. Дерево имманентно сознанию субъекта, но трансцендентно субъекту сознания, оно входит в состав транссубъективного мира и в то же время может входить и в кругозор сознания субъекта, а печаль имманентна и сознанию субъекта, и самому субъекту.

Учитывая все это, картина наблюдения дерева теми же 20 человеками выгладит совсем иначе. Дерево созерцается всеми двадцатью человеками в подлиннике, и никаких психических деревьев в сознании нет, т. е. часть сферы сознания у всех субъектов оказывается общою, совпадающею (Ч. I, с. 12–13). Это чисто теоретическое отношение субъекта к предмету, а не воздействие их друг на друга. Например, восприятие или суждение о горящей лампе вызваны движением возбуждения по зрительным нервам. Это восприятие стало поводом для того или иного человека как духовного существа направить свое *внимание* на этот внешний, задевший наше тело предмет. Результатом *внимания*, а это чисто духовный акт, и является созерцание самого предмета внешнего мира в подлиннике. Каждую опознанную благодаря вниманию и различению сторону предмета Н. Лосский называет содержанием знания. И в этом случае *внимание*, *различение* и т. п. составляют субъективную сторону знания, а предмет и его признаки, т. е. содержание знания, — объективную сторону знания. Следует осознать, что восприятие есть созерцание не всего состава предмета, а только той его части, которая сообразна нашим интересам (Ч. I, с. 22–24). Поэтому не удивительно, что порой разные раздражения воспринимаются одинаково, как и одинаковые раздражения

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

воспринимаются по-разному. Истина достигается в знании, все содержание которого состоит из различных сторон предмета и вытекающих из него следствий (Ч. I, с. 28). Как читатель я и тут вынужден признать, что не понимаю, почему истина достигается путем обладания в сознании самим предметом в подлиннике. Мне из рассуждений Н. Лосского яснее это не стало, и даже его схема сочетания созерцателя и созерцаемого, т. е. координация, ничего особо не прояснила:

По мнению же Н. Лосского, такая картина показывает, что часть сферы сознания у нескольких субъектов является общей, а поскольку сознаваемый предмет может быть частью транссубъективного мира, т. е. не психическим, а материальным бытием и поэтому не принадлежать к сфере индивидуального субъекта, а к области наиндивидуальной, тем самым преодолевается индивидуальный психологизм эмпиризма, у которого все сознание складывается из индивидуально-психологических переживаний.

Интуитивизм, как и критицизм, отвергает раздвоение предмета и знания о нем, но если критицизм считает, что субъект *строит* в своем сознании действительность, то интуитивизм считает, что субъект *созерцает* независимую от него действительность, созерцает подлинное бытие. Здесь обнаруживается существенное различие между эмпиризмом, критицизмом и интуитивизмом. Эмпиризм предполагает подчинение субъекта предмету. У критицизма двойственное отношение: апостериорные знания он считает зависимыми от предмета, зато априорные знания независимы от предмета, а привносятся субъектом, т. е. у критицизма, с одной стороны, субъект подчиняется объекту как вещи в себе, с другой — предмет как явление подчинен субъекту. По интуитивизму же — отношение между предметом и субъектом сознания есть отношение координации (сочетанности) (Ч. I, с. 50–51). Благодаря этому отношению возможен такой тип объединенности субъекта и предмета, при котором «даже предмет в е ш н е г о м и р а мог подлежать в подлиннике для созерцания субъекта». Это отношение Н. Лосский называет гносеологической координацией, а возникающее благодаря такой координации непосредственное наблюдение предмета субъектом — интуицией, или созерцанием (Ч. I, с. 9). В итоге, считает Н. Лосский, вырабатывая ряд новых понятий, освобождаясь от наивного реализма, как раз и создается новая гносеологическая теория, которую можно назвать интуитивизмом. Реализм присущ как этой теории, так и наивному реализму и другим философским концепциям, но,

считает Н. Лосский, и наивный реализм, и другие гносеологические теории роковым образом ведут к полной утрате реализма. Интуитивизм же все эти недостатки преодолевает.

Как показал французский философ Бергсон, хотя физиологические процессы и сопутствуют всякому человеческому акту знания, но не они создают объективную сторону знания, не они обуславливают свойства истины, ибо, обратив внимание на тот или иной предмет, мы еще не познаем его. Гносеологическая координированность предмета и субъекта делает предмет лишь доступным сознанию, познанным предмет станет только после совершения ряда *актов* сосредоточения *внимания* и *различения*, и этих актов может быть множество (Ч. I, с. 24).

Содержание знания состоит из суждений, т. е. объективная сторона знания о том или ином предмете складывается из трех элементов: предмета, содержания и отношения между ними. Первая часть — предмет, вторая — предикат, отношение между ними — следование: если есть предмет, есть и предикат. Строение суждения как раз и отображает эту объективную сторону знания, в нем устанавливается связь основания (предмет) и следствия (предикат). Поскольку предмет сложен и обычно не весь его состав служит основанием предиката, а только какая-то его часть, то именно эту часть предмета Н. Лосский и называет *субъектом* суждения. Предмет тем самым оказывается значительно сложнее субъекта, и если субъект является основанием предиката, то предмет содержит в себе основание для предиката. На этом различии предмета и субъекта суждения у Н. Лосского построено многое, что является особенным для его логики, в том числе и отрицание множественности причин для того или иного следствия.

Одни аналитические суждения, т. е. суждения, предикаты которых составляют часть субъекта, соответственно формуле «SP есть P», не могут составлять содержание науки. Это показал еще Кант. Наука преимущественно состоит из общих синтетических суждений, т. е. из суждений формулы «S есть P», где предикат привносит что-то новое предмету или субъекту суждения (Ч. I, с. 32–33). Выдвинутое Н. Лосским понятие синтетически-логического (формально-синтетического и материально-синтетического) проведено им через всю его логику. И если у Канта это понятие используется в его трансцендентальной логике, то Н. Лосский применил его к умозаключениям формальной логики (в том числе и к силлогизмам) и для преодоления аналитических теорий, которые, как он подчеркивал, опираются на закон тождества и противоречия.

Несмотря на то, что Н. Лосский адекватно излагает классическое логическое учение о понятии, суждении, умозаключении и доказательстве, все же приходится признать, что данной книгой он не столько помог читателям освоить эти формы мышления и логику как науку, сколько посредством нее попытался обосновать свою особую логику, которая, как он считает, преодолевает недостатки традиционной логики, логики критицизма и логики эмпиризма. Но преимущества логики интуитивизма для читателя его работы не стали от этого более понятными. Своей книгой он, скорее, только сделал заявку на обсуждение достоинств логики интуитивизма, а заодно и выступил против своих оппонентов, прежде всего против своего учителя А. И. Введенского, да и коллеги по кафедре С. И. Поварнина. Конечно, стремление к новому нельзя не приветствовать. Даже не всегда понятное новое все же способствует развитию и про-

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

грессу, более глубокому и широкому охвату предметной области. Поэтому я не против логики Н. Лосского, но в ее достоинствах он меня не убедил.

На мой взгляд, конец XIX и начало XX в. характерны для русских логиков стремлением к новаторству. В это время М. И. Каринский излагает свою оригинальную «Классификацию выводов», Л. В. Рутковский, развивая идеи М. Каринского, публикует книгу «Основные типы умозаключений», А. И. Введенский излагает свою «Логику как часть теории познания», С. И. Поварнин — «Логику отношений», Н. А. Васильев «Воображаемую логику» и т. п. Этот дух, как представляется, захватил и Н. Лосского. В своем построении интуитивистской логики, он, «исходя из органического мировоззрения, утверждает, что между познающим субъектом и всеми познаваемыми предметами существует *к о р д и н а ц и я* (сочетанность), благодаря которой познание имеет характер *и н т у и ц и и*, т. е. непосредственного созерцания: субъективные акты *з н а н и я* (внимание, различение, обсуждение и т. п.) непосредственно направлены на предмет (объект) в подлиннике, самолично вступающий в кругозор сознания познающего индивидуума» (Ч. II, с. 194). Хотя это и не очень понятно, понятно лишь то, что логика Н. Лосского сводима к различным видам следования: Р (предикат) следует из S (субъекта или предмета), вывод — из посылок, тезис — из аргументов. И все эти следования основываются, по Н. Лосскому, на законе тождества как основном и на связанных с ним законах противоречия и исключенного третьего (Ч. I, с. 84).

Особенность позиции Н. Лосского проявляется как в учении о понятии, так и в учении о суждении, умозаключении и доказательстве. *Понятие* для него есть мысль о предмете, содержащая в себе лишь те различные признаки, которые образуют единое целое, служащее основанием для системы следствий (Ч. I, с. 94). Единичные понятия не имеют объема, но содержание они имеют (Ч. I, с. 120). Совокупность единичных предметов, обозначаемых понятием, или объединенных отвлеченной идеей, он называет *классом*, а вот совокупность единичных понятий или единичных представлений, обозначающих эти предметы, называет *объемом* понятия (Ч. I, с. 119). Так, объемом понятия «человек» являются единичные представления Сократа, Перикла, Шекспира и т. д., т. е. все люди, а объемом понятия «треугольник» — сумма объемов остроугольных, тупоугольных и прямоугольных треугольников. Мысль о круге как замкнутой кривой, все точки которой равноудалены от центра внутри кривой, — это понятие, а вот мысль о круге, нарисованном на данной доске в аудитории СПбГУ, — представление. Всякое математическое понятие, например понятие математического числа, есть единичное понятие, хотя и применимо во многих случаях, подобно матрице для чеканки монет. Отвлеченная идея «человечность» тоже может быть единичным понятием, когда рассматриваются отдельно взятый предмет или идея, т. е. когда они мыслятся в разделительном смысле, но оно же может быть и общим, когда мыслится класс предметов (Ч. I, с. 100). В учении о понятии Н. Лосский столь глубоко погружается в идеальные основы мира, что находит так мной и не понятую общую основу, по которой три человека — *Я* Сократа, *Я* Декарта, *Я* Канта, сколь бы далеко они ни отстояли друг от друга в пространстве и во времени, — один и тот же человек. Ссылка его на Плотина — «мы не знаем, что мы едино есмы, как многие лица, которые обращены наружу, а кнутри имеют общий затылок» — тоже мало что мне как читателю проясняет. Это трудно постижимо только потому, подчеркивает Н. Лосский, что мы не

привыкли созерцать эту глубочайшую основу своего бытия (Ч. I, с. 98). Восприятие — это не только чувственность, отчасти оно имеет и нечувственный (умозрительный) характер, потому что созерцание, направленное на предмет, и есть интуиция (Ч. II, с. 3). Все рассуждения Н. Лосского о понятии я бы свел к тому, что мне понятно и значимо: определения понятий — это синтетические суждения, это научное завоевание, дающее новое знание, а признание определений только аналитическими суждениями лишает науку дальнейшего ее развития (Ч. I, с. 140).

Суждение в понимании Н. Лосского есть мысль, служащая выражением истины, а словесной оболочкой ее является предложение (Ч. I, с. 64). Логическая структура суждения содержит в себе три понятия: понятие предмета суждения, понятие предиката суждения и понятие необходимого следования предиката из субъекта, содержащегося в предмете. Важнейшая часть формы суждения — синтетическая необходимость следования предиката из субъекта, поэтому в суждении главное отношение — отношение «необходимого следования». Многие, по Н. Лосскому, рассматривая так называемые аналитические суждения, находят в них тождество предиката с предметом суждения, но предмет суждения, подчеркивает он, не тождествен субъекту суждения, предмет содержит в себе субъект, поэтому следовало бы сличать предикат только с субъектом суждения. Эта ошибка переносится потом и на умозаключения, а ведь и в умозаключении посылки не тождественны основанию, но содержат основание в себе. Синтетический характер умозаключения тем самым, по Н. Лосскому, скрывается под обманчивой видимостью его аналитичности (Ч. II, с. 111). Наконец, ложные суждения, считает Н. Лосский, не могут составлять логическую форму доказательства, как в случае такого рассуждения:

Небесные светила суть позвоночные животные.

Солнце — небесное светило.

Следовательно, Солнце — позвоночное животное.

В этом рассуждении, по Н. Лосскому, нет логического состава, это не доказательное рассуждение, а лишь грамматическое одевание умозаключения (Ч. II, с. 179–180).

Все суждения у Н. Лосского положительны, т. е. либо общеутвердительные (единичноутвердительные), либо частноутвердительные, различие же между ними он усматривает только в предикатах: одни суждения с положительным предикатом, другие — с отрицательным, который он называет «контрпредикатом». При этом все суждения — синтетические системы. Для классической логики два суждения «Все S есть P» и «Все S не есть P» имеют один и тот же предикат. Согласно же логике Н. Лосского, эти два суждения выразимы формулами «Все S есть P» и «Все S есть не-P», и поэтому имеют два разных предиката: «P» и «не-P» (Ч. II, с. 38).

Оригинальность логики Н. Лосского проявляется и в интерпретации отдельных особенностей суждения. Если в традиционной логике распределенными считаются все субъекты (понятия предмета) общих суждений и предикаты отрицательных суждений, а не распределенными являются субъекты (понятия предмета) частных суждений и предикаты всех утвердительных, то в логике Н. Лосского во всех общих суждениях субъекты, естественно, распределены, во всех частных — не распределены,

но зато во всех суждениях предикаты не распределены, ибо отрицательных суждений у него нет, а вот контрпредикаты во всех суждениях у него всегда распределены (Ч. II, с. 39–41). Из этого следует, что всякое суждение может дать путем обращения только частноутвердительное суждение, а путем противопоставления предикату — всегда общее или единичное отрицательное суждение (Ч. II, с. 41–42).

Умозаключение, по Н. Лосскому, есть «усмотрение истинности какого-либо суждения на основании одного или нескольких суждений, уже признанных истинными» (Ч. II, с. 27–28). Логическая сущность умозаключения кроется в объективной связи посылок и вывода, т. е. в умозаключении, так же как и в суждении устанавливается отношение следования между его элементами: посылки выступают достаточным основанием для вывода (следствия). Умозаключение тем самым, как и суждение, представляет собой синтетическую систему, поскольку вывод в нем не тождественен посылкам. Синтетическим логическим формам принадлежит созидательная роль в науке, аналитические же формы, по Н. Лосскому, выполняют только полицейские функции: они охраняют добытые результаты от разрушительных элементов.

Достаточно подробно излагая учение классической логики о категорическом силлогизме, об условных и разделительных силлогизмах, об основании и следствии, Н. Лосский всякий раз отмечает, что он не согласен с аналитической теорией силлогизма и считает, что силлогизм, как и суждение, является синтетической системой. Несостоятельность аналитической системы он иллюстрирует силлогизмом из единичных суждений, истинность и синтетический характер которых, по его мнению, неоспоримы:

Ртуть — жидкость.

Жидкость упруга.

Ртуть упруга.

Конечно, у современного читателя возникает недоумение, почему эти суждения единичны, но для Н. Лосского это несомненно, так как эти единичные предметы суждения и есть идеи в платоновском смысле (Ч. II, с. 110).

Многие, рассматривая суждения, находят тождество предиката суждения с предметом, хотя следовало бы сличать предикат суждения только с субъектом суждения, ибо предмет не тождествен субъекту. Эта ошибка переносится и на умозаключение, хотя и в умозаключении посылки не тождественны основанию, но содержат основание в себе. Подчеркивая синтетический характер умозаключения, Н. Лосский считает, что хотя в умозаключении и участвуют три понятия (понятие предмета суждения, понятие предиката и понятие необходимого следования предиката из субъекта, содержащегося в предмете), однако, строго говоря, в умозаключении целых шесть разнородных понятий, поскольку связь среднего термина и предиката в одной посылке не тождественна связи среднего термина и субъекта во второй посылке. Все эти связи привносят некий новый момент, а тем более связь субъекта и предиката (Ч. II, с. 100).

Интерпретация дедукции как переход мысли в процессе рассуждения от общего к частному, а индукции — наоборот, от частного к общему, по мнению Н. Лосского,

не обоснована, ибо дедуктивно можно умозаключать и от общего к общему (модус Barbara). Во всех умозаключениях связь посылок с выводом выражается одним и тем же принципом достаточного основания, и во всех умозаключениях в одинаковой степени имеется умозрительная сторона, хотя и в разных отношениях (Ч. II, с. 170–171). Проблематические умозаключения, по Н. Лосскому, содержат в себе не полное, а только большее или меньшее количество оснований для предиката. Поэтому вывод в них основывается на сходстве оснований, от которых переходят к сходству следствий или, наоборот, от сходства следствий к сходству оснований (Ч. II, с. 97).

Из достаточно подробного изложения Н. Лосским методов научной индукции интересно его мнение о полной индукции. Хотя она и не расширяет объем нашего знания, но все-таки изменяет материю нашего знания и поэтому представляет собой такую же синтетическую систему, как и любые другие умозаключения (Ч. II, с. 161).

Доказательство, по Н. Лосскому, есть всякий прием оправдания суждения, потому всякое простое суждение восприятия, всякое умозаключение и сложная система умозаключений включаются в доказательство. В доказательстве, как и в суждении и умозаключении, есть логическая связь основания и следствия, т. е. в конечном счете и здесь имеет место синтетическая система (Ч. II, с. 179–180).

Гипотеза у Н. Лосского — сложный метод исследования, дающий вероятностное знание о причине. В ней он выделяет три ступени. Первую ступень образует регрессивное умозаключение по аналогии, выдвигающее вероятностную причину исследуемого явления. Вторую ступень образует условно-категорическое умозаключение, выводящее из предполагаемой причины все следствия. Последняя, третья ступень, состоит из экспериментов или наблюдений, проверяющих предсказанные вероятной причиной следствия (Ч. II, с. 173). Вероятностный характер гипотезы делает ее родственной индукции, хотя, конечно же, структурно гипотеза от нее отличается. Гипотезы хотя и меняются и даже бывают противоположными друг другу, наука в целом не становится от этого условной символической конструкцией ума, а остается системой абсолютных знаний о самом подлинном бытии, правда, не полная, не совершенная, но неуклонно развивающаяся в направлении к бесконечному идеалу Абсолютной Истины (предисловие берлинского издания 1923 г.).

В заключение хочу отметить, что, несмотря на последовательно проведенное Н. Лосским противопоставление интуитивизма эмпиризму, критицизму и классическому учению логики, оно не достигло убедительной силы. В большинстве своем читатели так и не приняли его учение. Да и сам Н. Лосский, и почитатели его философии к проблемам логики после 20-х годов XX в. более не обращались.